

СРЕДНЕЕ ПРИУРАЛЬЕ – ПЕРЕПУТЬЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТОРГОВЫХ ДОРОГ

А. Ф. Мельничук

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул.Букирева, 15

Анализируются вопросы изучения взаимодействия средневекового населения Среднего и Верхнего Прикамья и государств Волжская Булгария и Древняя Русь.

Изучение этнокультурных и экономических связей средневекового населения Верхнего и Среднего Прикамья с соседними племенами и государствами в IX–XIV вв. представляет значительный интерес. К этой проблеме обращались многие исследователи, занимавшиеся средневековой археологией региона (Ф.А. Теплоухов, М.В. Талицкий, В.А. Оборин, Р.Д. Голдина, В.Ю. Лещенко и др.). За десятилетия археологического изучения средневековых памятников Среднего Приуралья накоплено значительное число источников, отражающих сложные межкультурные контакты. Материалы требовали детального осмысления и обобщения.

В последние годы этой трудоемкой работой занялся А.М. Белавин, в результате чего появилась крупная монография «Камский торговый путь», где проанализированы торговые и экономические процессы в средневековых общинах Среднего Приуралья¹.

Издание открывается введением, в котором дан краткий очерк исторического развития Верхнего и Среднего Прикамья в древности, представлена природно-географическая характеристика региона и поставлена основная задача исследования: «раскрытие содержания конкретных направлений этнокультурных и экономических внешних контактов населения средневекового Приуралья» (с. 9). Нам кажется, что во введении автор несколько увлекся научно-популярным или публицистическим описанием исторических процессов, протекавших в регионе в древности. Это привело к тому, что в тексте введения проскальзывают досадные фактические ошибки или непроверенные данные. Например, к ним относится известие о берцовой кости неандертальца, якобы найденной Б.И. Гуслицером и П.Ю. Павловым в гроте Большой Глухой на р. Чусовой (с. 4). Из текста введения мы неожиданно узнаем, что «первыми металлургами и коневодами Верхнего Прикамья» были представители при-

шлых «турбинско-сейминских племен» (с.5). Однако цветная металлургия у населения Среднего Приуралья появляется в эпоху энеолита (борская, новоильинская культуры – первая половина III тыс. до н.э.)², задолго до прихода сюда мифических коневодов Южной Сибири во второй четверти II тыс. до н.э. На территории Среднего Прикамья нет памятников абашевской культуры (с.5). Северная граница этой культурной системы фиксируется по погребальным комплексам только в бассейнах рек Белой, Демы, Ика в Нижнем Прикамье³. Вольное обращение автора с «угорской проблемой» в средневековой археологии Приуралья приводит его к совершенно неожиданному заключению о проникновении в конце II тыс. до н.э. «на берега Верхней Камы и ее притоков» племен «протоугорской лебязской археологической культуры», которая здесь составила основу «формирования угорской части уральских племен»(с.5-6). Давать этническую характеристику культуры, представленной в Верхнем Прикамье пока единичными памятниками и детально не изученной даже в ареале ее основного распространения (Печоро-Вычегодский бассейн), нам кажется неверным⁴. Возникает недоумение в связи с утверждением А.М. Белавина о том, что «распад ананьинской общности к IV в. до н. э. вызвал крушение отлаженного механизма торговых связей...и локальные археологические культуры почти не сохранили торговые связи ананьинцев» (с. 6). Однако материалы костяк гляденовской культуры (III в. до н.э. – IV в.) говорят о том, что традиционные опосредованные торговые связи населения Среднего Приуралья с древним Востоком и античным миром никогда не прерывались⁵.

Автор, слишком смело оперируя сведениями противоречивых арабских источников о «стране Вису» и о функционировании в ней «болгарских» городков Афкуль, Ыбыр и Чулыман, рисует не подкрепленную реаль-

ными фактами картину полного вхождения всего Прикамья в состав Волжской Булгарии (с.7). Исследователи средневековой археологии Приуралья никоим образом не отрицают значительного культурного и экономического влияния Волжской Булгарии на население Среднего Прикамья и, в меньшей степени, Верхнего Прикамья, но относятся с крайней осторожностью к подобным историко-культурным построениям⁶. Если применять методы работы создателя монографии с имеющимися археологическими и письменными источниками, то можно, например, прийти к выводу, что Древняя Русь в IX–X вв. входила в состав Дании или Норвегии.

Первая глава монографии включает в себе детальный историографический очерк, в котором последовательно рассмотрены этапы изучения взаимодействия средневекового населения Предуралья и соседних народов, отраженные в трудах исследователей различных поколений (А.Е. и Ф.А. Теплоуховы, А.П. Смирнов, М.В. Талицкий, В.А. Оборин, А.Х.Халиков и др.). Правда, при анализе работ В.А. Оборина, где рассматриваются вопросы влияния Волжской Булгарии на Верхнее Прикамье, А. М. Белавин приводит мнение исследователя о том, что «под влиянием болгар частично меняется ориентировка в могильниках (на западную)» (с.22). Насколько нам известно, в работах В. А. Оборина такого тезиса нет. Автору монографии следовало бы дать точную ссылку на это положение ученого.

Вторая глава посвящена оценке Волжской Булгарии как крупного раннего государства, которое оказывало серьезное культурное и экономическое воздействие на ближайшую первобытную периферию, образованную позднеродовыми общинами финно-угорского населения. Исследователем приведен обширный свод археологических источников, которые вкупе с отрывочными известиями арабских путешественников и географов позволяют представить картину интенсивного культурного взаимодействия болгарских городов и племенных центров родановского населения Предуралья, отразившуюся в понятии М. В.Талицкого «болгарская эпоха в Прикамье»⁷. Вполне убедителен вывод А.М. Белавина о том, что загадочная страна «Вису» Ибн-Фадлана явно ассоциируется с территорией Среднего и отчасти Верхнего Прикамья, занятой общинами роданов-

ской культуры. Данная глава предвосхищает анализ значительно пласта археологических источников, изученных автором.

К сожалению, в этой главе также имеются огрехи и некоторые фактические ошибки. В тексте иногда приводятся в качестве аргументов реальные археологические факты, но без соответствующих ссылок, что затрудняет их восприятие. Например, автор монографии отмечает случаи принесения при домостроительстве в жертву собак на неволинских и ломоватовских памятниках (с.26). Насколько нам известно, такие жертвы характерны для памятников не только Волжской Булгарии, но и Древней Руси, а в Верхнем и Среднем Прикамье подобный сакральный комплекс встречен только при исследовании славянской постройки на городище Искор, датированной на основе московской денги второй половиной XV в.⁸

В тексте допускается умозрительная интерпретация письменных источников. Так, приводя сведения Ибн-Фадлана о некоем «синдийце», опять без ссылки на первоисточник, А.М. Белавин представляет его читателю индийским купцом, «прибывшим в Болгарию с целью принять участие в меховой торговле со странами Севера» и по дороге убитым своими попутчиками-болгарами (с.31). Однако в труде Ибн-Фадлана не утверждается, что «синдиец» был купцом. Да, он убедил царя болгар разрешить ему отправиться в путь с людьми, которые шли «по своим торговым делам», но в тексте сочинения ничего не говорится об их меховой торговле с северными народами. Смерть «синдийца», судя по первоисточнику, можно интерпретировать как принесение дорожной ритуальной жертвы с элементами маздаистской обрядовой практики⁹, а не просто как корыстное убийство с целью недопущения к информации о торговых путях на Север. Также отсутствуют ссылки на Ибн-Баттуту при изложении сюжета о магрибинском купце в Булгаре (с.31). Естественно, болгары строго контролировали путь по Каме к «северным народам» и вряд ли опасались одиночных торговых конкурентов, которые, направляясь с юга на север, никоим образом не могли обойти их города с заставами на водном пути (например, Чертово городище).

Давая во второй главе общую характеристику ювелирной продукции Волжской Булгарии, которая благодаря торговым свя-

зиям распространялась довольно широко по территории Восточной Европы, А.М. Белавин пытается убедить читателей в том, что такие украшения как подвески-лунницы были, «видимо, популярными из-за схожести с известной мусульманской эмблемой» (с.28). Однако эти украшения в раннесредневековом мусульманском государстве не могли исполнять роль конфессионального знака, так как полумесяц являлся древним символом безопасности Византии и был принят в качестве официальной эмблемы могущества султаном Мехметом II с добавлением звезды после покорения Константинополя в 1453 г., когда Волжской Булгарии как государства уже не существовало¹⁰.

Увлечение А.М. Белавиным защитой «угорской концепции» А.Ф. Теплоухова на материале средневековой археологии Верхнего Прикамья приводит его к серьезным фактическим ошибкам в трактовке истории Древней Руси. Так, описывая поход болгар «на югров» в 1218 г., автор монографии опирается на данные В.Н. Татищева о том, что нападавшие, не сумев одолеть «югров», взяли «град их Унжу лестию» в Галицкой волости, т.е. примыкавшей к Галичу Мерскому. Используя данные Холмогорской летописи, А.М. Белавин неожиданно связывает с северо-восточным регионом события 1219 г., происходившие в юго-западных областях Древней Руси, в Галиче Волынском: «Тое же земли угры выгнаша Мстислава из Галича и сед королевич в нем» (с.35). Очевидно, произошла путаница городов Галича Мерского и Галича Волынского, откуда в 1219 г. венгры («угры») с помощью польского князя Лешка из Кракова изгнали князя Мстислава Мстиславовича Удалого и посадили в Галицкой земле правителем сына венгерского короля Андрея – принца Кальмана¹¹. Следует обратить внимание на то, что В.Н. Татищев явно рассматривал летописную «югру» 1218 г. как жителей г. Устюга, живущих в устье р. Юг¹². Это подтверждается известиями Устюжского летописного свода, в котором под 1218 г. значится: «Того же лета татарове казанские воивали Устюг»¹³.

Далее в тексте следует сюжет о народе Йуре, который А.М. Белавин без всяких доказательств относит к угорскому этносу (с.35) и связывает его с летописной «югрой». О спорности отождествления «югры» русских летописей с уграми в последние годы

приведены достаточно убедительные аргументы¹⁴.

Очень интересна попытка исследователя связать так называемых «федератов-эсегелов (эскэлов)» с предуральскими угорско-финскими племенами (с. 38). Однако крайне отрывочные сведения, представленные Ибн-Фадланом, не позволяют интерпретировать племя «эскэл» таким образом. По Ибн-Фадлану, племя «эскэл» было кочевым¹⁵. Никакого организованного кочевого хозяйства в среде ломовского, ломоватовского и неволинского населения Предуралья археологические источники, накопленные за долгие годы, не фиксируют¹⁶. В то же время основной исследователь и переводчик сочинения Ибн-Фадлана, А.П. Ковалевский, прямо указывает, что «эскэл» тождественно названию одного «из трех болгарских племен, упомянутых у Ибн-Руста и других авторов»¹⁷. На наш взгляд, проблема историко-культурной интерпретации населения, оставившего на раннеболгарских поселениях лепную керамику прикамского облика, требует более детального изучения. Насколько нам известно, целостного сравнительного анализа лепной посуды Волжской Булгарии и керамических комплексов раннесредневековых культур Предуралья не проводилось.

Важное место в монографии занимает третья глава, посвященная распространению болгарской и древнерусской круговой керамики на средневековых памятниках Предуралья, которая предстает как «показатель высокого уровня не только торговых, но и ... этнокультурных связей» (с.43). В настоящее время это самая полная сводка круговой керамики, найденной на памятниках родановской культуры Среднего Предуралья. В главе убедительно показано, что керамические комплексы Волжской Булгарии занимали ведущее положение среди прочей импортной посуды, встреченной в ходе раскопок на средневековых памятниках населения Среднего Приуралья. Автором приведено описание различных болгарских керамических комплексов как домонгольского, так и золотоордынского времени. Особого внимания заслуживают остатки гончарных горнов болгарского типа, обнаруженные на Рождественском городище в ходе работ Ю.А. Полякова и А.М. Белавина в 1981, 1985, 1993 гг. Вполне вероятно, что в этих горнах изготовлялась часть круговой болгарской керамики.

Картографический и статистический анализ болгарских керамических комплексов позволяет установить районы проникновения болгар только в Среднем Прикамье. Именно на поселениях южных родановских общин, особенно Обвинско-Иньвенского поречья, встречен значительный пласт круговой болгарской посуды. Это дало основание автору полагать справедливым включение в этнический состав крупных племенных центров родановской культуры (городища Анюшкар, Рождественское, возможно, Кудымкар) выходцев из Волжской Булгарии. В целом же на территории Верхнего Прикамья (до устья реки Вишеры) археологическими источниками не отражено значительного болгарского этнического присутствия. В материалах северных городищ родановской культуры круговой болгарской посуды крайне мало (не более 1 %). Например, на центральном городище северной группы родановских общин – Троицком (Чердынь) городище – за все годы раскопок не обнаружено ни одного фрагмента болгарской посуды. Не найдено болгарской керамики в зюздинском микрорайоне родановской культуры и на территории Перми вычегодской¹⁸.

Таким образом, самым северным пунктом в Среднем Прикамье, где выявлена представительная коллекция болгарской посуды (12% всех сосудов), оказалось Городищенское городище, которое, очевидно, по А.М. Белавину, функционировало как торговая фактория и на котором, видимо, болгарские купцы могли проводить торговые операции по покупке соли у членов северных родановских общин. Не исключено, что главы южных родановских общин играли роль «купцов чулыманских» из арабских источников, взаимодействуя с родовой элитой северных родановских групп и по водным путям с переволоками поставляя в Печоро-Вычегодский бассейн болгарскую ювелирную продукцию. Во всяком случае, результаты изучения автором керамического импорта на средневековых памятниках Предуралья вкупе с отрывочными письменными известиями, безусловно, позволяют согласиться с локализацией страны Вису и решать проблему географии страны Чулыман с ее «городами». В дальнейшем исследование болгарского керамического импорта в Среднем Прикамье должно быть более детальным и обеспечивать сравнительный анализ с ке-

рамическими комплексами болгарских городов.

Число находок древнерусской (домонгольской) круговой посуды на средневековых памятниках Предуралья, как показывает А.М. Белавин, в сравнении с количеством обнаруженного болгарского керамического импорта крайне незначительно. Вообще, несмотря на появление на северных родановских памятниках значительного числа западно-финских украшений вкупе с древнерусскими вещами XI–XIII вв., в их ареале классической древнерусской курганной посуды не найдено, что свидетельствует о поступлении западного импорта в Верхнее Прикамье через территорию Перми Вычегодской, где подобная керамика хорошо представлена¹⁹.

А.М. Белавин, считая, что значительная часть древнерусского импорта попала в Предуралье через Волжскую Булгарию, без должного критического анализа воспринял взгляды удмуртских археологов на круговую русскую керамику, якобы второй половины XIII–XV в., найденную в виде небольших сборов в бассейне р. Сылвы²⁰. Отсюда возникает гипотеза о появлении в этом регионе русских «беглецов из Золотой Орды» (с.69). Однако керамические комплексы русской круговой керамики, представленные удмуртскими археологами в публикации, не имеют четкой стратиграфической привязки, обусловленной сколько-нибудь относительной хронологией. Типология этих сосудов и их орнаментация не могут быть соотнесены не только с четко стратифицированными комплексами Перми Вычегодской (XIII–XV вв.), но и с хорошо документированной на основе монетного материала круговой керамикой Древнего Искора и Чердыни (XV–XVI вв.). Русские керамические комплексы сылвенских памятников содержат «долгоиграющую» во временном диапазоне круговую посуду, которая встречается в исторических городах Прикамья, в слоях второй половины XVII – первой половины XIX в. Об этом свидетельствует более поздняя публикация И.Ю. Пастушенко наиболее стратифицированного комплекса круговой посуды Верх-Саинского I городища в бассейне р.Сылвы²¹. Русское население начинает активно осваивать этот регион только после создания чувсовской вотчины Строгановых во второй половине XVI в.

Четвертая глава монографии посвящена анализу юго-восточного импорта украшений и престижных изделий в Предуралье, а также определению места их происхождения, в качестве которого в первую очередь рассматриваются болгарские города. С учетом материалов предыдущей главы следует признать обоснованным мнение А.М. Белавина о ведущем положении Волжской Булгарии в организации поступления престижных изделий в Среднее Прикамье. В первом разделе главы исследуются болгарские украшения и подражания им, обнаруженные на родановских памятниках Среднего и Верхнего Прикамья. Автор справедливо обращает внимание на то, что, «к сожалению, болгарские украшения не стали предметом болгароведческого исследования. В связи с этим до сих пор нет четкого определения ряда категорий ювелирных изделий Болгарии» (с.71). Это важное замечание.

В свое время автор статьи анализировал этнокультурные связи Среднего и Верхнего Прикамья с западно-финскими племенами и Древней Русью²² и столкнулся с проблемой культурной интерпретации значительной части ювелирных изделий, выполненных в технике зерни и скани. Как верно отметил А.М. Белавин, часть украшений и ювелирных изделий, выполненных в сканно-зерновой технике (особенно височные кольца, лунницы), очень сложно, практически – невозможно, без детального технологического анализа отнести к продукции Древней Руси или Волжской Булгарии (с.72). Трудности культурной атрибуции «болгарских» ювелирных изделий на памятниках Среднего и Верхнего Прикамья в последнее время отметил К.А. Руденко, который даже предположил наличие собственных центров ювелирного производства в Предуралье²³. Ввиду этого А.М. Белавину следовало бы с большей осторожностью отнестись к культурной идентификации части спорных ювелирных изделий. Уровень болгарской ювелирной технологии, которую описывает исследователь (с.73), существенно не отличался от уровня древнерусской²⁴. Тем более, что в становлении ювелирного производства как Волжской Булгарии, так и Древней Руси сыграли значительную роль хазарские, арабские, позднеантичные и византийские традиции прикладного искусства. О синкретическом характере ювелирного производства

Древней Руси, Волжской Булгарии и Прикамья свидетельствует детальное исследование С.С. Рябцевой²⁵. В связи с этим непонятен вывод автора монографии о том, что зерновые лунницы суть «еще один широко распространенный тип болгарских украшений», вплоть до Скандинавии (с.73). Однако аналогичные типы украшений («нитранские») характерны для великоморавских древностей Словакии второй половины IX – первой половины X в. (Старе место)²⁶ и славянских X–XI вв. (Гнездово, Копиево. Екимауцы)²⁷. В Гнездово найдена также литейная каменная форма середины X в. для лунничного височного кольца, которую археологи связывают с комплексом изделий западно-славянской группы²⁸. Исследователи не обосновывают их болгарское происхождение и только в качестве слабо документированного предположения высказывают мысль о том, что эти украшения попадали в Северную Европу из арабского Востока, минуя Булгар²⁹.

Не очень убеждает культурная дифференциация А.М. Белавиным височных бусинных колец по форме бусин или по типу декора в виде пирамидок зерни без детального анализа всего свода украшений Волжской Булгарии и Древней Руси (с.75). Это связано с тем, что находки бусинных височных колец из драгоценных металлов как в Волжской Булгарии, так и в Древней Руси крайне редки и встречаются в основном в кладах. Ввиду этого для сравнительного анализа височных бусинных колец и решения вопроса о происхождении этих украшений нет объективной выборки этих изделий, как на древнерусских памятниках, так и на болгарских. В имеющихся публикациях древнерусских украшений височные кольца декорировались в основном округлыми бусинами. Однако в кладах вместе с ними встречались в составе ожерелий и яйцевидные серебряные бусы (Старая Рязань)³⁰, которые, по мнению А.М. Белавина, характерны только для болгарского ювелирного производства. Если серебряные яйцевидные бусы имели хождение в Древней Руси, то следует полагать, что и височные кольца могли декорироваться ими. Просто подобные украшения еще не найдены. Вопреки мнению А.М. Белавина «бусины, украшенные пирамидками зерни», не суть «излюбленная форма расположения зерни у болгарских ювелиров» (с.75). Пирамидками или треугольниками зерни декорировались

бусы древнерусскими и западно-славянскими ювелирами³¹.

А.М. Белавин, справедливо разделяя мнение Ф.Х.Валеева о салтовском происхождении височных подвесок с грушевидным (булавообразным) окончанием (с полый привеской в виде шаров и конусов, по Р.Д. Голдиной), в то же время делает хронологическую ошибку, допуская слишком продолжительный период бытования этих украшений в Предуралье, в пределах IX–XIII вв. Данные височные подвески были распространены в Среднем и Верхнем Прикамье в короткий промежуток времени ломатовской эпохи (урьинская стадия – конец VIII–IX вв.) и в начале родановской культуры (X в.)³². Ссылка на то, что поздние образцы этих украшений якобы найдены в материалах Биляра, Семеновского селища и других памятников Волжской Булгарии, не корректна, так как хронология этих находок определяется, как правило, по датированным погребальным комплексам, а не на основе относительно датированных поселенческих материалов, которые, скорее всего, синхронны изделиям Больше-Тиганского могильника. Правда, А.М. Белавин выделяет поздние подтипы височных подвесок XI в., ссылаясь на исследование Н.Б. Крыласовой Рождественского могильника (с.78, рис.12). Однако, к сожалению, материалы погребения Рождественского могильника, где выявлен поздний тип височных колец, не опубликованы с сопутствующим инвентарем. Если судить по публикации находок Рождественского некрополя в 1997 г., где по техническим причинам рис. 8 с изображением височных колец отсутствует, то исходя из монетного материала погребений №53 (болгарский эмир Бармин аш-Шаш, 921/922), №54 (ал-Мутаид аш-Шаш.894/895), №61 (Ахмад ибн Исмаил аш-Шаш Саманид, 909/910) следует сделать вывод о том, что самые поздние по времени височные кольца рассматриваемого типа могут датироваться только в пределах второй половины X в.³³ В связи с этим не является обоснованным тезис А.М. Белавина об отсутствии височных колец с полыми привесками в погребальных комплексах северных родановских памятников. Подобные украшения обнаружены на Аверинском II могильнике в верховьях реки Камы и датированы X в.³⁴, а также на городище Редикор и в Редикорском кладе. Отсутствие височных колец с полыми

привесками на памятниках вымской культуры объясняется тем, что сыктывкарским археологам до сих пор не удалось выявить на своей территории четкие хронологические погребальные комплексы IX–X вв.³⁵ Таким образом, в Предуралье височные кольца с полыми привесками использовались в качестве украшения до конца X в., возможно, до начала XI в. (Малый Вашкур)³⁶. Хронологическое запаздывание рассматриваемых височных подвесок в материалах Сайгатинского могильника, находящегося в северотаежной зоне Западной Сибири, следует объяснить тем, что эти районы в эпоху раннего и позднего средневековья были просто дальней первобытной периферией. Ввиду этого строить предположение о движении этих украшений от «Предуральских Вису к Зауральской Йуре» исходя из того, что они являются этническим маркером «угров», на наш взгляд, нет оснований.

Нельзя согласиться с А.М. Белавиным в том, что, разбирая каменную литейную форму для отливки калачевидных серег с псевдозернью и псевдосканью, найденную на городище Иднакар, на основе лишь одного подобного изделия, обнаруженного в Биляре, он делает вывод о невозможности «местного (древнего северо-удмуртского) производства» этих украшений (с.79). Это явное преувеличение культуртрегерского влияния Волжской Булгарии на средневековое население Предуралья, знакомое с технологией сложного объемного литья по крайней мере с начала эпохи железного века.

Чрезвычайный интерес в четвертой главе представляет сюжет о серебряных бляхах-подвесках с «охотничьими» сценами, которые в свое время проанализировал В.Ю. Лещенко³⁷. А.М. Белавин, детально изучив закрытые погребальные комплексы, в которые входили эти раритеты, справедливо датировал самые высокохудожественные из них в пределах XIII–XIV вв. Однако оригинальная версия назначения этих блях, предложенная исследователем, вызывает у нас серьезное возражение. Увлечшись идеей экспансионизма Волжской Булгарии в Верхнем Прикамье, автор увидел в указанных предметах «именно знаки вассальной принадлежности и знаки официальных лиц (верительные знаки), имевших право представлять интересы болгарской администрации в отдельных местностях Предуралья и При-

обья); эти знаки «напоминают ... пайзце» Золотой Орды (с. 95).

При внимательном рассмотрении гипотезы А.М. Белавина возникает ряд вопросов. Почему подавляющее большинство «пайзце» найдено на памятниках северотаежной полосы Среднего и Северного Приуралья, где явного болгарского этнического присутствия не отмечено, если брать в качестве его маркера керамику Волжской Булгарии. В то же время на южных территориях родановской культуры (Обвинско-Иньвенское поречье), где выявлены представительные болгарские керамические комплексы, находки этих блях единичны. Их нет и в ареале бытования чепецкой культуры, которая испытывала значительное воздействие Волжской Булгарии. Неужели в окрестностях древнего Искора, где найдены три бляхи с «охотничьим» сюжетом, в бассейне р. Колвы (Северное Прикамье), находились в короткий промежуток времени три сборщика налогов на очень небольшую родановскую северную общину. Каким образом в Ыджыдзельском могильнике Перми вычегодской оказалось сразу четыре «вассала» Волжской Булгарии³⁸. Нам представляется, что держателями этих блях были люди высокого социального статуса, но не «агенты болгарской администрации», а главы древних финно-пермских общин, которые одновременно исполняли и сакральные функции (памы-сотники). Древний Искор, в окрестностях которого были обнаружены три бляхи с «охотничьим» сюжетом, как показали долговременные исследования, функционировал как крупное святилище³⁹. Таким образом, более аргументированным представляется рассмотрение данных предметов как культовых символов или жреческих знаков. Есть весомые основания считать, что на бляхах изображались «небесные всадники» - «Войпель» древних коми и «Мир-Сусне-Хум» обских угров⁴⁰.

При описании предметов вооружения А.М. Белавин слишком поспешно делает вывод о наличии своеобразного «болгарского» оружия. В отличие от древнерусских и западно-европейских источников мы не располагаем сведениями о воинском убранстве волжских болгар, организации их войска. Ввиду этого большинство предметов вооружения восточно-европейского и евразийского типа, судя по тексту монографии, могут быть наименованы «болгарскими» только на том

основании, что они найдены на памятниках Волжской Булгарии. Совершенно неприемлемо рассматривать в качестве импортной продукции массовые предметы вооружения - наконечники стрел и копий. Вполне возможно, что небольшая часть боевых наконечников стрел «импортировалась» в Предуралье в результате военных набегов или экспедиций теми же булгарами, раннебашкирскими племенами и населением северной Руси. Однако многие типы боевых наконечников стрел явно изготавливались местным населением. На территории Среднего Прикамья население ананьинской и гляденовской культур производило медно-бронзовые наконечники стрел в эпоху раннего железного века. Технология изготовления их была не менее сложна, чем производство железного метательного оружия эпохи средневековья⁴¹. Совершенно непонятно, почему топоры-чеканы с округлыми щекловицами считаются характерными только для Волжской Булгарии, когда они были распространены в XI–XIII вв. и в Древней Руси⁴².

На наш взгляд, непродуктивно рассматривать в качестве примера болгарского влияния косторезное ремесло древнефиннского населения Предуралья. А.М. Белавин совершенно верно отмечает, что богатые традиции обработки кости восходят у населения Предуралья к раннему железному веку. Но все приведенные им примеры чисто болгарского косторезного производства не корректны, так как сложные узоры в виде циркульного, «звериного» орнамента, плетенки на ложках, трапециевидных гребнях, расческах имеют больше аналогов среди костяных изделий Северной Руси, сделанных русским и финским населением в кустарных условиях на высоком уровне⁴³. Подобные изделия в Предуралье явно могли производить древние коми и удмурты.

А.М. Белавин вслед за А.А. Спицыным и М.В. Талицким убедительно раскрывает воздействие Волжской Булгарии на развитие пашенного земледелия у средневекового населения Пермского Предуралья. Но исследователь слишком высоко оценивает продуктивность якобы плодородных земель Иньвенско-Обвинского поречья, откуда, по его мнению, в Среднее Поволжье мог поступать товарный хлеб. Лишь во второй половине XVII в. земледельческие районы Пермского Пре-

дуралья могли обеспечивать товарным хлебом только местные рынки⁴⁴.

Не слишком убеждает суждение А.М. Белавина о том, что и кузнечное производство возникло у древних финно-пермских народов Предуралья в результате активного восприятия ремесленных приемов болгарских ремесленников. Во всяком случае, металлографические исследования позволяют говорить о внедрении в среду древнепермского населения древнерусских технологических традиций⁴⁵.

К сожалению, слишком лаконично описаны в главе импортные комплексы золотоордынского периода в Пермском Предуралье. Вряд ли следует согласиться с выводом автора о том, что «относительно небольшое количество восточных материалов ордынского времени... свидетельствует о значительной переориентации Болгарии на торговлю с другими территориями...» (с. 137). Существенное ослабление экономических связей Волжской Болгарии с таежным Предуральем в первую очередь было вызвано катастрофическим монгольским нашествием и вхождением ее территории в улус Джучи, после которого, несмотря на относительное возрождение ремесленного производства во второй половине XIII в., она не достигла домонгольского уровня экономического развития⁴⁶. Поэтому при изучении некрополей Предуралья и возникает проблема хронологической лакуны XIII–XIV вв, связанная с тем, что в эти районы значительно реже поступают престижные изделия и сырье для производства украшений (серебро, олово) как из Нижнего Прикамья, так и из Северо-Восточной Руси, которые ранее аккумулировались в погребениях и кладках. Нам кажется, что нет никаких оснований по находке одного медного светильника предполагать «о существовании на Рождественском городище в ордынское время мечети» (с.136). Данный светец мог применяться просто для лучинного освещения какой-нибудь постройки этого городища. В качестве аргумента в пользу ослабления экономических связей Волжской Болгарии с Предуральем автор приводит умозрительное известие о том, что в 1352 и 1363 гг. «Предуралье (Северное и Пермское) было задето чумой» (с.137), что является явно некорректным переносом данных русских летописей о море в Пскове, Новгороде и других центрах

Северной Руси на таежные районы Среднего и Верхнего Прикамья.

Материалы, представленные А.М. Белавиным в четвертой главе, раскрывают серьезное культурное воздействие Волжской Болгарии на таежное Предуралье. Этот факт ни у кого из археологов не вызывает сомнений. Именно поэтому не следовало бы в качестве дополнительного доказательства привлекать наравне с предметами явно болгарского производства комплексы изделий, происхождение, хронология и культурно-историческая интерпретация которых требуют еще серьезных исследований. Идентифицируя спорные предметы без основательной аргументации как имевшие только болгарское происхождение или попавшие на территорию таежной первобытной периферии Предуралья и Зауралья в результате торговой деятельности только болгарских купцов (древнерусские изделия), А.М. Белавин ограничивает участие Древней Руси в этих процессах.

Пятая глава посвящена западным связям населения Приуралья – со славянским и финским населением Древней Руси. В преамбуле этой главы А.М. Белавин, защищая положение Ф.А. Теплоухова и А.Х. Халикова о приходе коми населения в Верхнее Прикамье в эпоху позднего средневековья, обращается к анализу «Перми» русских летописей. Используя чрезвычайно отрывочные известия Повести временных лет, исследователь легко размещает летописную Пермь между Заволочской чудью и Печерой в бассейне Северной Двины, словно уже установленным фактом является географическое местоположение этих народов. Нет веских оснований полагать, что древний летописец, упоминая народы и племена в Повести временных лет, следовал какому-либо четкому географическому порядку. Например, как определить географический район обитания летописной «ями (еми)», которая в летописях расположена между народами «печера» и «угра».

Необходимо согласиться с мнением автора о том, что в X–XI вв. прямых контактов населения Верхнего Прикамья и Вычегодского бассейна с Древней Русью не было. Но непосредственное культурное влияние Волжской Болгарии распространялось только на территорию Среднего Прикамья (Обвинско-Иньвенское поречье, бассейн рек Сылвы и Чусовой). Этнического присутствия болгар в

Верхнем Прикамье, судя по минимальному количеству болгарской посуды, на поселениях северных родановских общин не было. В этой связи можно полагать, что восточный импорт поступал в Верхокамье и бассейн р. Вычегды от южных родановских групп населения. Прямые контакты Древней Руси с таежным Предуральем документируются летописными источниками начиная с конца XI в. (поход отрока Гюряты Роговича) и более интенсивно – с возведением в 1178 г. (а не в 1173 г.) Устюга (городок Гляден)⁴⁷. Правда, А.М. Белавин ошибается, заново фиксируя основание Устюга в 1212 г. Поступление западного и древнерусского импорта согласно материалам вымских памятников начинается в XI в. (обильное поступление западно-европейских денариев), а затем, в XII-XIII вв., поток древнерусских вещей, включая керамику, резко увеличивается. Именно в этот период древнерусские предметы вкуче с западно-финскими появляются в Верхнем Прикамье. Таким образом, А.М. Белавин поддерживает нашу с В.А. Обориным мысль о проникновении небольших групп смешанного славяно-финского населения в этот регион⁴⁸.

Однако нельзя согласиться с А.М. Белавиным в том, что на основе анализа путей поступления камского импорта в северо-западную Европу он делает предположение, согласно которому «болгары, видимо, были основными торговыми партнерами жителей Предуралья в обмене с Русью и Севером Европы, а Камский торговый путь служил своеобразным ответвлением трансевропейского Волжского торгового пути» (с. 162). Сомнительно, что новгородцы или скандинавы могли допускать в сферу своих торговых интересов на севере восточной Европы конкурентов-булгар. Булгарское монетное серебро не является доказательством проникновения в столь северные широты булгар. Эти вещи могли привозить на север Европы из Булгарии русы Ибн-Фадлана.

В целом детальное монографическое изучение торговых связей Среднего Приуралья с мощным в культурном отношении государством Волжских Булгар, представленное в труде А.М. Белавина, следует приветствовать. В дальнейшем на основе этой работы необходимо конкретизировать частные вопросы взаимодействия средневекового прикамского таежного населения и ближайших

цивилизаций Волжской Булгарии и Древней Руси.

Примечания

¹ Белавин А.М. Камский торговый путь. Пермь, 2000.

² Мельничук А.Ф. О памятниках борского типа в Прикамье // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990. С.101.

³ Горбунов В.С. Абашевская культура // Урал. ист. энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 9.

⁴ Мельничук А.Ф. Усольское Прикамье в эпоху бронзы // Усольская старина: Коноваловские чтения. Березники, 1886. С. 5-8; *Он же*. Этнические процессы и освоение Северного Прикамья в эпоху раннего железного века – позднего средневековья // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002. С. 102; Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология республики Коми. М., 1997. С. 256-259.

⁵ Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф., Вильданов Р.Ф. и др. Культурные опосредованные связи населения Среднего Приуралья с цивилизациями древнего Востока и античным миром (по материалу Гляденского костыща) // Тр. Камской археол. – этнограф. экспедиции. Пермь, 2003. С. 44-49. Вып. 3.

⁶ Макаров Л.Д. Несколько слов относительно некоторых концепций исторического прошлого Верхнего Прикамья // Пермское Прикамье в истории Урала и России. Березники, 2000. С. 15-21; Корчагин П.А., Мельничук А.Ф. «Протогород»: а была ли проблема? // Вестн. Перм. ун-та. Вып. 4. История. Пермь, 2003. С.57.

⁷ Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Матер. и исслед. по археологии СССР. 1951. № 22. С.80.

⁸ Оборин В.А. Раскопки Искорского городища // Археол. открытия 1975 г. М., 1977.

⁹ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 137.

¹⁰ Андреева В., Ровнер А. Луна // Энциклопедия символов, знаком, эмблем. М., 2001. С.298

¹¹ Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т.2. Стб. 731-735.

¹² Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1965. Т.4. С.537.

¹³ Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С.45.

¹⁴ Курлаев Е.А. Летописная «югра»: исчезнувшее имя или исчезнувший народ // Урал. ист. вестн. Екатеринбург. 1994. Вып.4. С. 102-117.

¹⁵ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана... С.139.

¹⁶ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1995; *Она же*. Неволинская культура // Урал. ист. энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 353-354; Иванова М.Г. Поломская культура // Урал. ист. энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 420.

¹⁷ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана... С. 225.

¹⁸ Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989; Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С. Пермь вычегод-

ская (XI–XIV вв.) // Археология республики Коми. М., 1997.

¹⁹ Савельева Э.А., Кленов М.В. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (XI–XIV вв.) // Археология республики Коми. М., 1997.

²⁰ Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А. О времени появления русских в бассейне Средней Сылвы // Ист.- культ. наследие городов и заводских поселений Урала. Пермь, 1995.

²¹ Пастушенко И.Ю. Религиозные представления остяков Сылвенско-Иренского поречья в XVI–XVII вв. // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001. Вып. 1.

²² Мельничук А.Ф., Оборин В.А. Связи финно-угорских племен Прикамья со славянами в XI–XV вв. // Матер. VI Междунар. конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т.1.

²³ Руденко К.А. Болгарские ювелирные украшения XI–XIV вв.: проблемы идентификации и датировки // Междунар. (XVI Урал.) археол. совещ. Пермь, 2003. С. 171-173.

²⁴ Колчин Б.А. Ремесло // Археология СССР. Древняя Русь, город, замок, село. М., 1985. С. 244-254; Орлов Р.С. Ювелирное производство // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3. С. 428-438.

²⁵ Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб., 2005. С. 273-300.

²⁶ Dekan J. Velka Morava. Bratislava, 1976. № 157.

²⁷ Федоров Г.Б. Славяне Поднестровья // По следам древних культур. М., 1953. С. 150-151.

²⁸ Ениосова Н.В. Литейные формы Гнездова // Ист. археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 69-70, рис. 1.

²⁹ Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 28-29, 369, ил. 11, 24.

³⁰ Даркевич В.П. Древняя Русь X–XIII вв. // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977, ил. 16, 18.

³¹ Там же. С. 190, ил. 15, 16, 18; Dekan J. Velka Morava. № 140.

³² Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... С. 131, рис. 16, 117, 121; Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники... С. 193, рис. 71, 1, 2.

³³ Крыласова Н.Б., Бочаров И.В., Бочарова О.В. Некрополь Рождественского археологического ком-

плекса // Охранные археологические исследования на среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 110, 124.

³⁴ Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники... С. 88, рис. 71, 1.

³⁵ Королев К., Мурыгин А.М., Савельева Э.А. Ванвиздинская культура (VI–X вв.) // Археология республики Коми. М., 1997. С. 428-430; Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С. Пермь вычегодская... С. 605-608.

³⁶ Прокошев Н.А. Погребение на р. Чусовой // Сов. археолог. 1937. Т. 3.

³⁷ Лещенко В.Ю. Бляхи с охотничьими сценами из Прикамья // Сов. археол. 1970. № 3.

³⁸ Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987. С. 111-113, рис. 1-3. 5-8.

³⁹ Мельничук А.Ф., Корчагин П.А. Новейшее изучение древнего Искора // Чердынский край: прошлое и настоящее. Чердынь, 2003.

⁴⁰ Бординских Г.А. К вопросу о месте Войпеля в язычестве древних коми-пермяков // Проблемы и тенденции развития Верхнекамского региона: история, культура, экономика. Березники, 1992; Мельничук А.Ф. Бляхи и медальоны с « охотничьим сюжетом» из Верхнего Прикамья – назначение, семантика, происхождение // Древность и средневековье Волго-Камья: Матер. 3-х Халиковских чтений. Казань; Болгар, 2004. С. 120-125.

⁴¹ Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. Медь и бронза. М., 1983.

⁴² Киртичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Археология СССР. Город, замок, село. М., 1985. Табл. 127, 5; 128, 1.

⁴³ Колчин Б.А., Янин В.Л., Ямщиков С.В. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985. С. 81-101.

⁴⁴ Оборин В.А. Социально-экономическое развитие Урала в XVII в. // история Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 183.

⁴⁵ Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И. и др. Очерки по истории древней железообработке в Восточной Европе. М., 1997. С. 264, 294.

⁴⁶ Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С. 126-128.

⁴⁷ Кучкин В.А. Ростово-Суздальская земля в X – первой четверти XIII в. (центры и границы) // История СССР. 1969. № 2. С. 88.

⁴⁸ Мельничук А.Ф., Оборин В.А. Связи финно-угорских племен... С. 79.

MIDDLE PRIURALYE - THE CROSS-ROAD OF MEDIEVAL TRADE ROUTES

A.F.Melnichuk

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva st, 15

Issues of study of interaction of medieval population of Middle and Upper Prikamye and the states of Volzhskaya Bulgariya and Ancient Rus are being analyzed